

Метафизические предметы

А.Б. Демидов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

В человеческом сознании имеются представления о метафизических предметах, которые не являются результатом чувственного восприятия и не имеют пространственных характеристик. Сознание образует эти представления как необходимые средства для осуществления мышления. Они влияют на весь образ мысли в целом и, в результате, на решения и поступки людей. Ввиду их теоретической и практической важности требуется их научно-рациональное изучение, поэтому неприемлема позитивистская установка на игнорирование метафизических предметов. Представления о метафизических предметах входят в содержание любых наук, в том числе естественных, не подвергаясь специальной рефлексии посредством собственных методов этих наук. Философия необходима среди прочих наук потому, что она исследует метафизические предметы средствами рационального мышления. Философское мышление не уклоняется от метафизических предметов, как от призраков, а как раз пытается осмыслить их, чтобы рационально обращаться с ними. В числе методик, применимых для исследования метафизических предметов, необходима диалектическая методология в двух её разновидностях — диалогической и логической (монологической)..

Ключевые слова: *метафизика, диалектика, диалог, стоимость, ценность, предмет философии.*

METAPHYSICAL SUBJECTS

A.B. Demidov

Establishment of education «Vitebsk state university named after P.M.Masherov»

In human consciousness there are images of metaphysical subjects. They are not the result of sensual perception, they have no spatial characteristics. Consciousness creates these images as necessary means for realization of thinking. These images influence the way of thinking on the whole and, as a result, decisions and acts of people. Because of their theoretical and practical importance their scientifically-rational studying is required. Therefore positivistic orientation to ignoring metaphysical subjects is unacceptable. Images of metaphysical subjects are included into the contents of any sciences, including natural sciences. But they are not a subject to a special reflection by means of the methods of these sciences. Philosophy is necessary among sciences because it researches metaphysical subjects by means of rational thinking. Philosophical thinking does not avoid metaphysical subjects as phantoms, but tries to comprehend them to rationally manage them. Dialectic methodology is necessary for research of metaphysical subjects in its two varieties – dialogical and logical (monological)..

Keywords: *metaphysics, dialectics, dialogue, cost, value, subject of philosophy.*

У людей имеются представления о таких предметах, которые не обладают материальностью, пространственно-временными формами, не воспринимаются чувствами как физически-реальные объекты. Например, бытие, благо, ценность, стоимость, справедливость. Хотя они не существуют в качестве материальных, чувственно воспринимаемых вещей, тем не менее они некоторым образом представлены в сознании и становятся предметами размышления и рефлексии. Такие предметы можно называть «метафизическими», так как греческое слово «метафизика» соединяет в себе слова *μετά* (после) и *φυσικά* (естество, природа) и обозначает буквально то, что «после физики», за пределами физики (природы). Метафизика как философское учение о «первых сущностях» имеет, по И. Канту, три основных предмета, это — душа, мир и Бог.

С некоторых пор в учёных кругах появилось и постепенно усиливалось негативное отношение к метафизике. Ростки непочтения к ней заметны уже в средневековом номинализме. В новое время с возникновением естествознания нетерпимость к метафизике проявлялась всё решительнее. И. Ньютон провозгласил: «Физика, берегись метафизики!» Это значит, что физические (естественные) науки должны обходиться в своих теориях без ссылок на метафизические предметы. В период расцвета позитивизма и сциентизма в XIX–XX веках метафизика стала чем-то вроде персоны нон грата. С началом нового этапа в философии науки, постпозитивизма (с 60-х годов XX в.) уверенность в том, что «позитивная» наука может провести чёткую демаркационную линию между собой и метафизикой, поубавилась, однако насторожённое отношение к метафизике сохраняется.

Цель этой статьи — показать, что люди, в том числе позитивисты, не могут элиминировать из сознания представления о метафизических предметах и что философия как раз призвана исследовать эти предметы, опираясь, прежде всего, на диалектическую методологию.

Материал и методы. Объектом исследования выступает класс представлений, которые не являются результатом чувственного восприятия, вместе с тем необходимо образуемых сознанием. Используются общелогические и теоретические, а также компаративный и диалектический методы.

Результаты и их обсуждение. Обоснован тезис, что предметом философии является не что иное как метафизические предметы, недоступные исследованию методами «позитивных» наук. Обсуждение вопроса о предмете философии ведётся с эпохи античности, начиная, по меньшей мере, с Сократа, и продолжается поныне.

Способы образования представлений о метафизических предметах. Если представления о метафизических предметах не возникают путём чувственного восприятия реальных вещей, то откуда они берутся? Не являются ли они игрой воображения, выдумкой, которой в действительности ничего не соответствует? Можно указать несколько факторов, обуславливающих возникновение представлений о метафизических предметах.

Первый — абстрагирование. Это мысленное отвлечение от тех свойств и отношений явлений, которые несущественны с какой-то точки зрения, и выделение, принятие в расчёт того, что представляется существенным. В результате получается некий «абстрактный предмет», о котором можно прочесть в любом словаре по логике, например: «АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ — предмет (объект мысли), который реально не существует в объективной действительности, но является результатом мысленного отвлечения свойств и отношений реальных предметов» [1, с. 12]. Или: «...предмет, не существующий в действительности, созданный нашим воображением» [2, с. 7].

Различают несколько разновидностей абстрагирования, например, обобщающая, изолирующая и идеализирующая абстракция. При обобщающей абстракции отвлекаются от несходных свойств предметов и отождествляют их по сходным признакам. Так, словом «дом» обозначают множество разнообразных домов и даже могут сказать: «Наш дом — Беларусь». Говоря слово «дом», подразумевают некий «дом вообще», а не какой-то единичный реальный дом. Не существует в реальности «дом вообще», однако имеется представление о таковом, и это — представление о метафизическом предмете, не воспринимаем чувствами. При изолирующей абстракции выделяют какое-нибудь свойство различных вещей, дают ему особое имя, как будто это свойство — особая вещь, существующая сама по себе, например, «неподвижность». Сама по себе неподвижность, как и справедливость или синева, не существует, но представления такого рода имеются, и они подпадают под понятие о метафизических предметах. При идеализирующей абстракции некие свойства мысленно доводятся до идеального, абсолютного состояния или величины, например, «идеальный газ», «абсолютно чёрное тело», которые в реальности не найти и, значит, они тоже относятся к области метафизики.

Несмотря на то, что абстракции являются разновидностью метафизических предметов, позитивистская философия не отказывает им в праве на существование, поскольку очевидна их необходимость и польза в познавательной деятельности. Разве что делается особая оговорка, что отвлечённые понятия нельзя гипостазировать, т. е. приписывать им реальное существование.

На примере абстракций, с необходимостью возникающих в мышлении, опирающемся на язык и речь, видно, что уже язык как таковой — не только «дом бытия», как сформулировал М. Хайдеггер, но и «дом метафизики». Существа, обладающие речью, пользующиеся языком, неотвратимо пользуются и представлениями о метафизических предметах, или «сверхчувственных сущностях». Нельзя не согласиться с Гегелем, который заметил, что Ньютон сам не соблюдал своё предостережение против метафизики и «что не избегнешь метафизики, а именно сведения природы к

мыслям... Чистыми физиками, только физиками являются на самом деле лишь животные, так как они не мыслят; человек же, напротив, как мыслящее существо есть врождённый метафизик» [3, с. 240].

Если язык «виноват» в том, что в сознании, артикулированном им, порождаются и содержатся представления о метафизических предметах, то нельзя ли избавиться от этой «болезни» и создать очищенный от метафизики язык, пригодный для «подлинной» науки? Сторонники аналитической философии в первой половине XX века пытались это сделать — не получилось.

Другой фактор, обращающий нас к метафизике, — каузальное мышление, неизбежность допущений о существовании причин, обуславливающих определённые действия и явления. В глубокой древности в сознании людей царил анимизм, вера в одушевлённость природных вещей. Действия камня, воды, солнца, ветра люди объясняли наличием душ у вещей. Сами «души» не видны, но видны их действия. Недалеко от подобных воззрений ушли и такие выдающиеся учёные, как Аристотель и Лейбниц, полагавшие, что падение отпущенного камня или ещё чего-либо обусловлено его естественным «стремлением» осуществить свою сущность. Естествознание нового времени отвергло объяснение физических явлений ссылками на «души» и «стремления», а на их место поставило представление о механической «силе» (или химической «валентности», от лат. *valentia* = сила), но ведь «метафизика» от этого не устранилась. Разве кто-то может наблюдать механическую, химическую или биологическую (= жизненную, витальную) силу?! Наблюдению доступны не эти «силы», а оказываемые ими «действия», обусловленные ими «результаты», «следствия». Взять, например, «силу тока» — мы наблюдаем не её, а такие результаты, как нагревание проводников, магнитная индукция. Или взять «силу тяготения» — она недоступна наблюдению, мы видим, что тела, скажем, планеты, как будто чем-то связаны друг с другом. Однако существует ли «сила притяжения»? Её саму, как таковую, никто не наблюдал. Известна даже гипотеза, что в отношениях между массивными телами имеет место не притяжение, а давление окружающего «вакуума» (тоже метафизического предмета). Эйнштейн и его последователи и вовсе склонны объяснять гравитацию не притяжением и не давлением, а всего лишь геометрией, кривизной пространства — и никаких «сил». Так существуют ли некие физические «силы», или они всего лишь метафизические «химеры»?!

Каузальное мышление необходимо, так как в практической деятельности люди стремятся к определённым целям и нуждаются для их достижения в познании причин, могущих обусловить нужные результаты. При каузальном мышлении мы как бы решаем уравнение, определяя, чего и сколько не достаёт, чтобы получился нужный результат. Это недостающее, «икс» — искомая причина определённого результата. Первобытный анимизм приписывал магниту душу как ту незримую причину, которая тянет к магниту железо. Если ударить пару раз молотком по гвоздю, лежащему на наковальне, и сразу пощупать расплюснутый гвоздь, то он окажется горячим. Вроде бы никакой метафизики, сплошная физика: кинетическая энергия превратилась в тепловую. Но что такое энергия? Опять же «сила», по-гречески *εὐρύεια* и есть «сила». Эти «силы» как таковые не наблюдаются — ни кинетическая, ни тепловая энергия. Мы видим движение молотка и осязаем нагревание гвоздя, но превращение энергии из одного вида в другой мы уже не видим, а домысливаем, не видя самих энергий. Энергия — предмет метафизический, интеллигибельный, мысленно представляемый для заполнения лакуны («икса») в объяснении происходящих явлений.

Основатель позитивизма О. Конт отчётливо понимал, что причины явлений — это предметы метафизические, которых «позитивная» наука не должна касаться. Он писал: «...Мы не стремимся указывать *причины*, производящие явления...» [4, с. 559] Достаточно знать, как они происходят, какие регулярности наблюдаются в них. «...Признав недоступным всякое исследование причин, мы ограничиваемся познанием законов» [4, с. 582]. «Что касается определения того, что такое сами по себе притяжение и тяжесть, каковы их причины, то эти вопросы мы считаем неразрешимыми и лежащими вне сферы позитивной философии, предоставляя их теологам и метафизикам» [4, с. 560]. «Истинный позитивный дух состоит преимущественно в замене изучения первых или конечных причин явлений изучением их непреложных законов, другими словами — в замене слова *почему* словом *как*» [4, с. 581]. Как видно из этих суждений, Конт полагал возможным и необходимым избавление науки от каузального мышления, однако на деле вопрос «почему?» неустраним из мышления и речи человека.

Не менее интересная ситуация сложилась в психологии, которая долгое время существовала в рамках философии, а со второй половины XIX века стала обособляться от неё, чтобы стать «подлинной» наукой, эмпирической психологией, избавившись от метафизических «излишеств».

Крайним выражением этой тенденции оказался бихевиоризм. У этого подхода тоже можно усмотреть достоинства, были даже попытки применять его в педагогике, антропологии, социологии, в экономической теории потребительского поведения. Концепция бихевиоризма требовала изучать только то, что доступно наблюдению, измерению, математической обработке (стимул и реакция, поведенческие акты, физиологические процессы) и не принимать во внимание то, что не наблюдаемо (сознание, воля, чувства, побуждения, мотивация — собственно всё психическое, или душевное). Получилась психология без психики. При таком подходе ни один человеческий поступок (в его отличии от произвольных реакций) не может получить объяснения, обоснования и понимания — значит, продуктивность такого научного подхода очень ограниченная. Можно было бы поставить ему в заслугу саму попытку «очищения» от метафизики, хотя на поверку оказывается, что метафизика всё равно засоряет парадигму бихевиоризма, например представлением о психике как некоем «чёрном ящике», а это тоже метафизический предмет.

Третий фактор, ведущий человеческое сознание к метафизике, — стремление мысли к тому, чтобы завершить познание обусловленных явлений познанием безусловного принципа этих явлений. Такое движение мысли досконально исследовал И. Кант. Он полагал, что разум стремится свести множество знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий), чтобы достигнуть высшего их единства. Задача разума состоит в том, чтобы подыскивать безусловное (принципы) для обусловленного рассудочного знания. Путем ряда умозаключений, переходя от знаний, опирающихся на опыт, к представлениям о том, что могло бы лежать за пределами опыта, разум создает «идеи». Они возникают по требованию опыта, ищущего «последние причины». Трансцендентальные идеи — это понятия о чем-то безусловном, о том, что является условием для многого иного, но само ничем не обусловлено. Идеи — необходимые понятия, предмет которых не может быть дан ни в каком опыте. Познание не может успокоиться, пока не найдет последнюю причину всего ряда условий. По словам Канта, «то, что необходимо побуждает нас выходить за пределы опыта и всех явлений, есть *безусловное*, которое разум необходимо и вполне справедливо ищет в вещах в себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя таким образом законченного ряда условий» [5, с. 89]. Три основные идеи, с необходимостью создаваемые разумом (они же основные предметы метафизики), — душа, мир и Бог. Их нельзя познать, т. е. выявить соответствующие им эмпирически данные вещи, но эти идеи бесполезны для разума, правда не в качестве конститутивного (основополагающего) знания, а в качестве регулятивного (направляющего и упорядочивающего) знания. Это значит, что, с одной стороны, на метафизических идеях нельзя основывать подлинную науку; с другой стороны, эти идеи полезны и необходимы не в качестве истины, но в качестве целей, ориентиров. Они задают направление движения к развитию опыта, к более совершенным обобщениям и теориям.

Итак, мы выделили некоторые факторы, побуждающие человеческое сознание к созданию представлений о метафизических предметах. Здесь не преследуется цель дать их систематический обзор или классификацию — достаточно того, что показана неизбежность действия таких факторов, как надобность в абстракциях и в познании причин, надобность в безусловном принципе, завершающем ряд обусловленных явлений. Метафизические предметы тем или иным способом представлены в человеческом сознании, влияют на ход мышления, принимаемые решения и совершаемые поступки, поэтому они должны не игнорироваться научной мыслью, а напротив, подвергаться рациональному исследованию и осмыслению.

Суждения о метафизических предметах не «бессмысленны», как пытались уверять представители аналитической философии. Сторонники этого направления, такие как Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап, Дж. Остин и др., уделили значительное внимание исследованию понятий значения и смысла. Они считали достоинством подлинно научных суждений их «осмысленность» в противоположность «бессмысленным» философским суждениям. Например, Р. Карнап писал, что метафизические предложения не могут быть осмысленными, «предложение, если оно вообще о чем-либо говорит, говорит лишь об эмпирических фактах. О чём-либо лежащем принципиально по ту сторону опытного нельзя ни сказать, ни мыслить, ни спросить» [6, с. 84]. Позитивисты-аналитики пытались оградить науку от «патогенных» влияний философии (метафизики), но при этом как будто не замечали, как противоречили своим собственным установкам, ведь сам требуемый ими «смысл» не является «эмпирическим фактом». Смысл — не какая-то чувственно воспринимаемая вещь, а нечто умопостигаемое. Тот, кто говорит о смысле, предмете метафизическом, и требует чтобы смысл был в наличии, будто это «эмпирический факт», сам говорит бессмыслицу. На этой противоречивой

основе аналитическая философия строила обвинение и разоблачение философии как якобы собрания бессмыслицы.

Позитивизм не располагает методикой, позволяющей исследовать метафизические предметы. Действенным методическим средством их изучения является диалектика. Одним из известнейших примеров её плодотворного применения является анализ товарной стоимости как разновидности ценностных предметов.

Диалектическая методология исследования метафизических предметов. С товарной стоимостью люди имеют дело повседневно, знают о ней, воспринимают как нечто обыденное, между тем, реально, вещественно, как «эмпирический факт», этот предмет не существует. Вопросы о том, что такое стоимость, объективна она или субъективна, являются спорными в экономических теориях, среди которых соперничают друг с другом трудовая теория стоимости и маржиналистская теория предельной полезности.

Трудность изучения «природы» стоимости К. Маркс остроумно охарактеризовал следующим образом: «Стоимость [Wertgegenständlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenständlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остаётся неуловимым» [7, с. 56].

Стоимость товаров невозможно найти в них эмпирическими методами в качестве «эмпирического факта». Стоимость кажется какой-то неуловимой мистической сущностью, которая незримо правит движением вполне ощутимых товарных тел. С точки зрения эмпиризма и позитивизма стоимость следовало бы отнести к области метафизики, удалить понятие о ней из научного употребления, элиминировать бритвой Оккама, представить чисто субъективным феноменом. С такой точки зрения можно ограничиться понятием цены, образующейся на рынке фактически под влиянием субъективных факторов вроде потребности, нуждаемости, чувства удовлетворения независимо от некой «субстанции стоимости». К. Маркс всё же нашёл теоретический подход, позволяющий «взяться» за аналог «вдовицы Куикли». Этот подход основан на диалектическом методе исследования. Без этого метода «природа», суть стоимости была бы неуловима и непостижима. Это отчётливо высказал сам Маркс и довольно внятно разъяснил в ряде своих работ советский философ Э. В. Ильенков, в том числе в своей знаменитой статье «Проблема идеального» [8].

Слова «диалектика», «диалектический метод», «диалектическая логика» привыкли истолковывать терминами «развитие», «противоречие», «всеобщая связь». Однако подобное истолкование представляется недостаточным, мало побуждающим на деле мыслить диалектически. Суть того диалектического метода мышления, который был виртуозно применён Гегелем и Марксом, пожалуй, впервые открыл Николай Кузанский, мыслитель бесконечности, кратко сформулировавший её словами «всё — во всём и каждое — в каждом» [9, с. 110]. (Подобные тезисы формулировали ранее Анаксагор, Прокл, Дионисий Ареопагит.) Что означают эти слова, Кузанец пояснил аналогией: всё во всём присутствует не прямо, а опосредованно, например, в глазе «присутствуют» и рука, и нога, и все органы единого тела, но не вещественно, а идеально: глаз как орган является представителем всего организма, в том числе и руки, и ноги, и прочего. В этом смысле в нём «представлено» всё, как и он «представлен» во всём, а без этого всего целого (организма) не было бы ни глаза как такового, ни руки, ни ноги. Суть гегелевской диалектики как раз в этом: мыслить всякий отдельный предмет не сам по себе (как кантовскую «вещь в себе»), а, выражаясь по-современному, «в контексте» множества (тотальности = всеобщности) всех иных предметов, множества, рассматриваемого в его целостности. Всякий предмет обусловлен иными предметами и сам обуславливает иные предметы, и даже полная его противоположность есть противоположность его самого; без него не было бы отношения этой противоположности; его противоположность «представлена» в нём, он является «представителем» своей противоположности. Это «представительство» одних предметов в других предметах, названное Гегелем «идеальным», внятно разъяснил вышеупомянутый Э. В. Ильенков, показав его объективность и необходимость, а не субъективность, случайность, психическую призрачность.

Маркс, пользуясь диалектическим методом исследования, т. е. рассматривая стоимость не «саму по себе» (в качестве таковой она была бы всего лишь субъективным фантомом), показал стоимость, «овеществлённую» в теле товара, как «представителя» общественных отношений между

людьми, участвующими в производстве и обмене товаров. В товарном теле стоимость «представляет» трудовые усилия, общественно необходимые для производства этого товара. Труд объективно представлен в товаре, и это его объективное представительство является основой субъективных представлений в сознании участников товарного обмена о стоимости товара. Стоимость — «инобытие» труда, представленного в товаре, хотя труд уже не наличествует в товаре как реальный процесс, «эмпирический факт».

В настоящее время экономическую теорию в вузах изучают преимущественно не по Марксу, а в виде «экономикс», трактовки того, как люди осуществляют выбор среди ограниченных экономических ресурсов. Этот подход получил заслуженное признание, доказав свою эффективность. Вместе с тем, он страдает неполнотой, однобокостью. В экономической науке марксизм и маржинализм два разных, но взаимодополняющих подхода. В рыночной (меновый) сделке имеются две противоположные стороны, не существующие друг без друга: одна сторона сбывает товар или услугу, другая — приобретает. Для сбывающей стороны существенна стоимость товара, определяемая затратами труда и ресурсов. Для приобретающей стороны на первом плане стоит способность товара удовлетворять потребности, а не то, каких трудов и затрат стоил этот товар продавцу. Здесь имеются два разных способа видеть одни и те же товары. Марксистская экономическая теория выражает точку зрения сбывающей стороны, иначе говоря, «товаропроизводителя», для которого стоимость товара служит критерием целесообразности его деятельности и не является пустой иллюзией. Товаропроизводитель (или товаровладелец) знает, каких трудов, и затрат ему стоило предоставление товара на рынок, и не заинтересован заниматься делом, которое приносило бы ему убытки. Для приобретающей стороны стоимость (то, чего стоил товар сбывающей стороне) — это абстракция. Покупателя интересуют именно потребительские свойства и цена, но не стоимость. Таким образом, в одной и той же сделке имеют место два разных взгляда на ситуацию. Точку зрения сбывающей стороны, стоимостную точку зрения, объясняет марксистская теория. Точку зрения приобретающей стороны, потребительскую и ценовую, анализирует маржиналистская теория. Эта двойственность взгляда на одно и то же событие сделки аналогична корпускулярно-волновому дуализму в теориях света и принципу дополнительности в квантовой механике, с которыми физическая наука, по крайней мере современная, смирилась. Возможно, и экономической науке следовало бы признать допустимость и равноправие как марксистского, так и маржиналистского подхода, поскольку они не исключают а дополняют друг друга. Опыты экономической науки по осмыслению феномена стоимости различными методами и концепциями помогают в понимании и интерпретации сути метафизических предметов.

Диалектика в гегельянской и марксистской версиях, однако, ещё не вся диалектика. Диалектика XIX века отодвинула на задний план древнейшую версию — диалогическую диалектику, представлявшую собой метод определения заинтересованными собеседниками в их живом диалоге общего родового понятия, охватывающего разноречивые его толкования. Некоторые считают, что само слово «диалектика» впервые применил Сократ, обозначив им искусство обсуждения (диалога), а не просто рассуждения (монолога) с целью определения общих понятий. В сократовском диалектическом методе выделяются три взаимосвязанные его части: самопознание, диалог и индукция [10]. Сократ впервые поставил в центр философского исследования ценностные — т. е. метафизические — предметы, такие как «благо», «справедливость», «красота», «добродетель», «мужество» и т. п. Но им в вещественной действительности ничто не соответствует. Ценности не даны созерцанию, как телесные вещи с их пространственно-временными характеристиками. Не имея зримых образов, они всё-таки представлены как-то в душе, значит, и начинать их поиски надо не вовне, а в себе. Отсюда девиз Сократа: «Познай самого себя». Таким образом, самопознание стало частью сократовского метода познания ценностей. Для самопознания Сократ не занимался «уходом в себя», «интроспекцией», а вступал в диалоги, поскольку люди скорее всего познают себя в общении с другими, побуждая друг друга к высказыванию своих мнений и соотнося их. Диалог — самая оригинальная и заметная часть метода Сократа. И ещё одна неотъемлемая часть его метода — индукция, т. е. «наведение». В ходе диалога высказываются различные мнения об обсуждаемом предмете, которые лишь частично выражают его суть, однако частные суждения постепенно наводят собеседников на общее определение. Эту часть метода Аристотель поставил Сократу в особую заслугу. Диалогическая версия диалектики, как и логическая (монологическая) версия была разработана специально для исследования метафизических предметов. Она получила развитие в XX веке в «философии диалога» и «философии коммуникации». Обе версии диалектической

методологии, в отличие от позитивистской методологии, адекватны задаче изучения метафизических предметов.

Заключение. Всё вышеизложенное резюмируется в следующих положениях:

1. Представления о метафизических предметах необходимо и неотъемлемо содержатся в человеческом сознании, вербально артикулированном. Большинство вербальных знаков не являются уникальными именами единичных чувственно воспринимаемых вещей. Они именуют (обозначают) отвлечённые и обобщённые представления или общие понятия («универсалии»), т. е. предметы не физические, а метафизические. Эти представления о метафизических предметах образуются сознанием как необходимые средства для осуществления мышления. Они влияют на весь образ мысли в целом и, в результате, на решения и поступки людей. Ввиду их теоретической и практической важности требуется их научно-рациональное изучение, поэтому неприемлема позитивистская установка на игнорирование метафизических предметов.

2. Представления о метафизических предметах входят в содержание любых наук, в том числе естественных, не подвергаясь специальной рефлексии посредством собственных методов этих наук. Философия имеет право на существование среди прочих наук хотя бы потому, что она исследует метафизические предметы средствами рационального мышления. Многие науки появились путём «отпочкования» от философии, при этом они отбирали у философии часть предметов исследования, бывших прежде в её распоряжении. Однако метафизические предметы — как раз то, чего другие науки не могут отнять у философии. Долгое время слова «философия» и «метафизика» употреблялись как синонимы — до тех пор пока позитивизм, приобретший широкое влияние, не привил многим учёным и философам опасение быть уличёнными в причастности к метафизике. Тем не менее, про метафизику и представления о метафизических предметах уместно сказать словами народной поговорки: «Её выпроваживают в дверь, а она лезет через окно». По словам Канта, «как бы равнодушно или пренебрежительно ни относились к метафизике <...>, они во всяком случае вернутся к ней, как к поссорившейся с ними возлюбленной...» [5, с. 691] Философское мышление не уклоняется от метафизических предметов, как от призраков, а как раз пытается осмыслить их, чтобы рационально обращаться с ними. По сходному поводу Э. Гуссерль писал: «Настоящий философ вместо того чтобы бежать от них [призраков. — *А.Д.*], предпочтёт осветить тёмный угол» [12, с. 210].

3. В числе методик, применимых для исследования метафизических предметов, необходима диалектическая методология в двух её разновидностях — диалогической и логической (монологической, т. е. диалектической логики).

Литература

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М.: Наука, 1976. — 720 с.
2. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. П. Никифоров. — М.: Владос, 1997. — 384 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1975. — 452 с.
4. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. — М.: Мысль, 1971. — 760 с.
5. Кант, И. Сочинения в 6 т. Т. 3 / И. Кант. — М.: Мысль, 1964. — 799 с.
6. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Карнап Р. // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 69–90.
7. Маркс, К. Капитал. Т 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. — М.: Гос. изд. полит. лит., 1960. — 907 с.
8. Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. — 1979. — № 7. — С. 145–158.
9. Николай Кузанский. Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1979. — 488 с.
10. Демидов, А. Б. Сократ — первый исследователь ценностей // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XV(62) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Витебск 3–5 марта 2010 г. / Вит. гос. ун-т; редкол. : А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. — Витебск УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. — С. 328–330.

11. Husserl, E. Formale und transzendente Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft / E. Husserl. — M. Niemeyer, 1929. — 298 S.

Сведения об авторе

Демидов Александр Борисович

кандидат философских наук

доцент

УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

доцент кафедры философии

210009 Витебск, ул. Терешковой, 26, корп. 3, кв. 82

телефон служебный: 21-57-70

телефон домашний: 52-96-78

ab-demidov@yandex.ru

Прошу мои контактные данные не публиковать, за исключением e-mail.

Прошу также не трогать в моём тексте букву «Ё», она законом не запрещена и имеет право на существование.